

ВОССТАНИЯ СТОЦЫ

(536—546 гг. н.э.)

(К истории революционных движений в Римской Африке)

Проф. К. Ф. Штепа

Римская Африка в течение более чем двух столетий была ареной непрерывающейся борьбы, составлявшей важнейшее звено той «революции рабов», которая, по словам великого Сталина, «ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»¹.

Эта борьба принимала самые разнообразные формы: церковной схизмы донатистов, движения рабов и колонов—циркумцеллионов, или агонистиков, военных мятежей (Гераклиан и Бонифаций), восстания зависимых от Рима варварских племен (Фирм и Гильдон), нашествия германских варваров—вандалов.

Последнее закончилось установлением в римской Африке вандальского владычества, продолжавшегося больше ста лет—с 429 по 534 гг.² Вандальское государство пало под ударами войск Восточной Римской империи. Гелимер, последний вандальский король, после некоторого пребывания у приютивших его горных мавров, отчаявшись в возможности дальнейшего сопротивления Риму, сдался на милость победителя, а большинство вандалов, способных носить оружие, были отправлены в Византию, где из них создали несколько военных отрядов, посланных потом на борьбу против Персии³.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 412.

² Главные источники по истории вандальского завоевания и владычества в Северной Африке: Victor Vitensis, *Historia persecutionis Africanae Provinciae sub Geisericō et Hunerico regibus Vandalorum*, rec. C. Halm, MGH, t. III. Berl., 1879, стр. 1; Prosper Tiro, *Epitoma chronicon*, MGH, IX; Marcellinus V. C. Comes, *Chronicon*, MGH, XI, I; Isidorus Junior, *Historia Vandalorum*, MGH, XI; Iordanes, *Romana et Getica*, MGH, V, I; *Laterculus Regum Vandalorum et Alanorum*, MGH, XIII; *Vita Fulgentii*, P. L., t. LXV; *Salviani De gubernatione Dei*, MGH, I, 1; *Paulus Diaconus, Historia Romana*, MGH; *Fasti Consulares*, MGH, IX; *Anthologia Latina*, ed. Riese, II; *Corrippus, Johannis seu de bellis Libycis*, MGH, III; *Cassiodorus, Variorum libri XII*, P. L., LXIX, MGH, XII; *Ferrandus Carthageniensis, Scripta*, P. L., t. LXVII; *Victor Tonnenensis*, MGH, XI, 1; *Codex Justinianus*, rec. P. Krüger. Berl., 1906; *Novellae*, rec. R. Schöll—G. Kroll. Berl., 1904; *Labbe, Sacrosancta concilia*, ed. de Paris, 1674; *CIL*, t. VIII; *Augustinus, Epistolae*; *Mansi, Amplissima collectio conciliorum*.

³ Прокопий, *Вандальская война*, II, 9.

Вандальское государство было разрушено. Причиной крушения вандальского господства в Африке было то, что вандалы оказались оторванными от остального варварского мира, составляли только незначительное меньшинство среди местного населения, легко поддавались соблазнам высшей культуры, теряя свою самобытность¹. Много значило и то, что они явились в Африку не в виде целого племени, а только как небольшая группа его выходцев, напоминающая военную дружину. А главное было то, что они не имели у себя марки²—той формы общественной организации, которая давала такую силу сопротивления другим варварам.

Энгельс в своих работах «Марка», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «К истории германцев» не упоминает об общественной строе вандалов. Однако все то, что он говорит об общинной форме собственности на землю, о разложении родового быта, о роли военных дружин, о значении военно-племенных вождей и о других явлениях жизни первобытных германцев до и после поселения их в Римской империи, может быть отнесено и к вандалам, с учетом некоторых своеобразных особенностей их истории.

Первобытный строй германских варваров при непосредственном соприкосновении его с рабовладельческими отношениями римского общества, оказавшегося в их подчинении, очень быстро претерпевает ряд существеннейших перемен. В частности, первоначально общинная форма собственности на землю (марка) уступает место частной (аллод) собственности. Народное собрание, совет родовых старшин и другие органы первобытной демократии постепенно теряют всякое значение перед лицом все усиливающейся власти военного вождя, превращающегося в неограниченного монарха, опирающегося на сильный военно-служебный аппарат. Старая родовая знать, связанная своими интересами и всем своим существованием с первобытным строем, уступает место королевским дружинникам, из которых за счет народа создавалось новое дворянство³.

Этот процесс разложения первобытно-общинного строя у вандалов ускорялся их оторванностью от остального варварского мира и их сравнительно малочисленностью в окружавшем их обществе.

Подвергаясь скорее и больше, чем другие варвары, римским влияниям, усваивая все отношения рабовладельческого строя, не будучи в состоянии

¹ Прокопий, *op. cit.* II, 6, 5—10: «Из всех известных нам народов самый изнеженный—вандалы, самый выносливый—мавры. Первые после прихода их в Ливию ежедневно пользовались ваннами и изысканнейшей пищей, состоявшей из всего самого приятного и самого лучшего, что могут дать земля и море. Они в огромном количестве употребляли золотые украшения, носили мидийские ткани, известные сейчас под названием шелка. Проводили время в театрах, ипподромах, предавались в большой мере всевозможным наслаждениям, особенно же любили псовую охоту. Музыканты и актеры занимали их слух и зрение самыми изысканными и изящными произведениями своего искусства. Многие из них жили, окружая себя парками, преизобилующими водой и деревьями. Утопали в пирах и предавались всякого рода распутству» (перевод всюду наш.—*К. Ш.*).

² Вандалы разделили между собой землю, отнятую у римлян, на началах безусловной наследственной собственности. Ничто не указывает на существование у них каких бы то ни было форм коллективного владения вида марки, что в значительной степени объясняется тем, что они являлись бродячей военной дружиной, а не целостным племенным или подобным ему образованием. Об этом свидетельствует также и легкая восприимчивость вандалов к римской цивилизации.

О разделе земли см. Виктор из Виты, I: «Распределив также отдельные провинции, для себя лично он (Гензерих) оставил Бизацену, Аборитану, Гетулию и часть Нумидии; Зевгитану же, или Проконсульскую провинцию, он предоставил своим воинам, разделив между ними землю на началах наследственного владения (*funiculus hereditatis*)».

О наследственности земельного владения у вандалов говорит также эпизод, о котором рассказывает Прокопий, II, 14, 8—11.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. XVI, ч. I, стр. 127 сл.

развивать намечавшиеся у них зародыши феодализма, вандалы теряли силу сопротивления. И в то же время они теряли симпатии и поддержку известных кругов местного населения, при помощи которых они пришли в свое время к победе над Римом, и в частности мавретанских племен, подчиненных римской власти¹. Это обстоятельство оказалось для них роковым.

Крушение вандальского государства в Африке не означало все же окончательной победы Рима. Оставшиеся после разгрома Африки вандалы совместно с многочисленными и разнообразными противниками Рима — рабами, колонатами и маврами — организуют упорное сопротивление Риму. Антиримские силы далеко еще не были уничтожены, и революция рабов, колонатов и варваров, не прекращавшаяся здесь в течение столь долгого времени, теперь именно вспыхивает особенно ярко — для того, правда, чтобы потом надолго угаснуть.

Не успел Велизарий, победитель вандалов, со своими дорифорами и гипаспистами погрузиться на корабли и отчалить от африканского берега, как многочисленные мавретанские племена начинают вооруженное восстание против Рима, не в виде протеста против насилия римского командования и не вследствие собственного своего вероломства, как объясняет это дело Прокопий², но с целью не допустить в этой стране реставрации прежних римских порядков, которую предпринимает римское правительство непосредственно вслед за уничтожением государства вандалов³.

Император Юстиниан (527—565) по отношению к «освобожденной» от варваров провинции проводил политику немедленной и полной реставрации всех тех отношений, которые в великом и малом существовали до вандалов. Реакция, очевидно, имеет свою логику, и реставраторы всегда и всюду обнаруживают удивительное непонимание реальности, нежелание считаться с существующими фактами, крайнюю ограниченность и близорукость, доведенный до абсурда классовый или сословный эгоизм, действуя в ущерб даже собственным своим интересам. Политика Юстиниана в Африке служит прекрасной иллюстрацией к сказанному.

Реставрируя в Африке все прежние порядки, Юстиниан был убежден или делал такой вид, что этим он облагодетельствовал и осчастливил ее население, которое должно было благодарить бога за свое освобождение от варваров⁴. Однако «счастливыцы» за это освобождение расплачивались дорогой ценой: они должны были прежде всего принять на себя содержание многочисленной римской гражданской и военной администрации — содержание штата одного только префекта Африки обходилось в 13 775 солидов,

¹ О том, как известные группы римского населения сочувствовали и поддерживали варваров, см. Виктор из Виты III, 18, 62; Зосим, IV, 32, 3; IV, 31, 5; Сальвиан, V, 6—8; Исидор Младший, MGH, XI, 274.

О том, как, в частности, Гензерих и вандалов поддерживали в Африке донатисты, говорит Вигур, History of the later Roman Empire from the death of Theodosius I to the death of Justinian. Lond., 1931. При этом он ссылается на письмо карфагенского епископа к эфесскому собору летом 431 г. (Mansi, IV, 1207), на Августина, Письма, 228, Посидия, Жизнеописание Августина, 28.

² Прокопий, Вандальская война, II, 10, 5—7, II, 8, 10 сл.

³ Прежде всего восстановление существовавшей здесь раньше податной системы. См. Прокопий, II, 8, 25: «Так как в разных областях Ливии невозможно было найти те податные списки, которые существовали в прежнее время при римской власти и которые целиком уничтожил Гензерих, то Трифон и Евстратий обратились к императору [с просьбой о распоряжении восстановить налоги, сообразно показаниям об имуществе каждого]. Эти налоги казались ливийцам неумеренными и невыносимыми».

Также «Тайная история», XVIII: «Юстиниан тотчас же послал земельных оценщиков и стал устанавливать непосильные налоги, которых прежде не было...»

⁴ Cod. Iust., XXVII, 8: «... Да знает вся Африка милосердие всемогущего бога, и да познают ее обитатели, насколько они, освободившись от жесточайшего плена и варварского ига, заслужили свободную жизнь под нашим счастливейшим правлением...».

или 215 785 золотых франков, в год¹. Во что же обходилось содержание всего штата гражданских чиновников, больших и малых, а особенно содержание римской армии? Надо еще учесть, что указанная цифра выражает только официально установленное содержание, а во сколько раз нужно его увеличить, принимая во внимание коррупцию римского аппарата?

Рестаурация подлежала налоговая система², тяжким бременем лежавшая на плечах трудящегося населения, и аграрные отношения, существовавшие в Африке до вандалов³. Земля подлежала возвращению ее прежним владельцам, — были ли таковыми частные лица, или императорский фиск. Если фактически многих прежних владельцев уже не оказалось налицо, то претендентов все же явилось больше чем достаточно, в лице всяких прямых и косвенных, действительных и фиктивных наследников прежних владельцев земли. Начался такой ажиотаж со всякого рода исками, что сам Юстиниан принужден был ограничить претензии на возвращение земельной собственности только тремя поколениями наследников⁴.

Рестаурация в особенности распространялась на церковные отношения⁵. Католическая церковь, как организация всех преданных Риму социально-политических сил подвергавшаяся всякого рода ограничениям и даже преследованиям со стороны вандалов⁶, теперь была восстановлена во всех своих правах и привилегиях. Не только все земельные владения и прочая недвижимость, в разное время отнятая у католиков, подлежали немедленному возвращению им, но даже и все движимые ценности, которые они в разное время потеряли. Подлежали возвращению и те церковные помещения, которые раньше были отданы в пользование арианам или другим «схизматикам».

Юстиниан не ограничился восстановлением католической церкви в ее правах и привилегиях, но подвергает всякого рода ограничениям и прямому преследованию всех инаковерующих⁷.

¹ Ch. Diehl, L'Afrique Byzantine. Histoire de la domination Byzantine en Afrique (533—709). Paris, 1896.

² Прокопий, II, 8, 25; «Тайная история», XVIII, 10.

³ «Новеллы», XXXVI: «...В нашей Африке, которую господь подчинил римской власти и нашей охране, издали мы священную прагматическую санкцию, дабы все то, что они потеряли во время вандалов, могли отобрать у незаконных владельцев и вернуть себе, установив при этом пятилетний срок, в течение которого дозволено было это делать».

⁴ Там же.

⁵ «Новеллы», XXXVII: «...Приказываем... чтобы вышепоименованные владения... досточтимой церкви, как нашего города, Карфагена Юстинианова, так и всех общин африканского диоцеза, пребывали в нерушимой их собственности, без какого бы то ни было ущерба, ни в коем случае не подлежали бы отобранию... Если же какие-либо иные владения или дома, или церковные украшения окажутся в пользовании у ариан, язычников или каких-либо иных лиц, то их надлежит всеми средствами, без какого бы то ни было промедления, изъять у таковых и передать святейшим церквам православного исповедания...»

⁶ Cod. Just., XXVII; Виктор из Виты, О вандалском гонении, passim; также—«Хроники» Гидация, Проспера, Исидора Младшего, Марцелина и др. Также Прокопий, Вандалская война, I, 5. Характерно, что жертвой нетерпимости и жестокости Гензериха, Гунериха и других вандалских королей, по словам самих источников, являлись не католики или православные как таковые, а только их духовенство, и то преимущественно высшее, а наряду с ними вообще вся римская знать и вся состоятельная верхушка местного населения. Преследование католиков или православных со стороны вандалов являлось только выражением борьбы их, совместно со всеми угнетенными прежде элементами общества, против римской рабовладельческой государственности, которая в это время находила себе могущественную опору в лице церкви.

⁷ «Новеллы», XXXVII: «...Ни арианам, ни донатистам, ни иудеям, ни всем прочим, кто не признает православной веры, не дозволяется участие в каких бы то ни было церковных обрядах, но они подлежат совершенному исключению из священнодействий и храмов. Не разрешается им также посвящать своих епископов или клириков или со-

Рестаuration в Африке политических и социально-экономических отношений, существовавших там до вандалов, больно задевала самые широкие круги местного населения, в том числе и подчиненных Риму мавретанских варваров, которые ущемлялись в своих земельных владениях и задевались налоговой системой. Ответом на это с их стороны и было вооруженное восстание. Когда мавры, открыто выступая против римской власти, начали схватывать и умерщвлять всех римских чиновников и солдат, каких только могли захватить¹, Велизарий сам не мог вернуться в Африку, но отправил назад большую часть своей гвардии (дорифоров и гипасистов) и передал верховное командование Соломону, который получил, сверх того, некоторое подкрепление из столицы². Дело принимало серьезный оборот для Рима, тем более, что восставшие мавры находили себе сочувствие и поддержку среди широких масс местного населения.

В нескольких битвах Соломон сумел разбить мавров, пользуясь их разобщенностью, неорганизованностью и технической отсталостью³. Но едва он несколько справился с ними, как среди его собственных войск вспыхнул мятеж. Начался он весной, ко времени пасхи⁴.

Прокопий объясняет причины этого мятежа следующими обстоятельствами. Во-первых, после окончательного поражения вандалов у Трикамарума римские солдаты массой вступили в брак с дочерьми и вдовами погибших вандалов. Каждая вандалка, выйдя замуж за римлянина, по словам Прокопия, побуждала своего мужа заявить претензию на обладание тем земельным участком, который раньше принадлежал ее погибшему мужу, отцу или брату. Солдаты, которым подобные претензии пришлись по душе, потребовали у Соломона передачи им тех вандальских участков, которые он собирался передать в фиск и приобщить к императорским салтусам. Соломон отказал солдатам в этом их требовании. Он объяснил им, что они «могут считать своей добычей только рабов и другие ценности, земля же принадлежит императору и государству, которое их кормит и которое сделало их солдатами не для того, чтобы они завоевывали землю лично для себя, но для того, чтобы вернуть государству то, что у него было захвачено варварами, дабы эта земля давала нужное содержание как им, так и всем прочим»⁵.

вершать крещение над кем бы то ни было... Так же точно, согласно нашим законам, все еретики подлежат устранению от каких бы то ни было публичных актов, и не дозволяется им отправлять какие бы то ни было общественные должности или принимать участие в какой бы то ни было администрации, дабы еретики не оказались начальствующими над православными, тогда как для них достаточно уже того, что их оставляют в живых... И не дозволено иудеям, язычникам, донатистам, арианами или каким-либо иным еретикам пользоваться пещерами или совершать какие-либо действия в виде церковных обрядов, так как нелепо допускать нечестивых людей к совершению священных актов.

¹ Прокопий, ук. соч., II, 8, 21—22.

² Там же, II, 8, 23. Соломон, носящий высокое звание *domesticus*, был как бы начальником штаба Велизария во время его африканского похода. После ликвидации Вандальского государства и возвращения Велизария в Константинополь Соломон получил одновременно высшее военное звание *magister militum* и высшее гражданское звание *praefectus praetorio* Африки («Новеллы», XXXVI—XXVII, 535 г.; CIL, VIII, 4677)—необычайное для этой эпохи объединение военных и гражданских функций в одном лице.

³ Прокопий, ук. соч., II, гл. 11, 12, 13.

⁴ Там же, II, 14, 7. Прокопий приурочивает начало восстания в Африке к 10-му году правления Юстиниана, т. е. к 536 г. н. э.

⁵ Там же, II, 14, 8—11. Между прочим, поведение вандальских женщин в этом случае, как о нем рассказывает Прокопий, еще раз подтверждает то, что вандалы получили землю на правах полной и неограниченной собственности (*allog*)—*funiculo hereditatis*, как говорит Виктор из Виты (1, 4), а не в виде бенефициев или на правах общинного владения, марки. Ср. Ch. André Julien, Histoire de l'Afrique du

Второй причиной возмущения Прокопий считает то, что среди римских солдат было немало приверженцев арианства, чем и сумело воспользоваться арианское духовенство вандалов, поведя среди них свою, враждебную римской власти, агитацию. По постановлению Юстиниана, все схизматики не допускались ни к крещению, ни к каким-либо другим церковным актам. В частности, во время пасхи они не имели права ни участвовать в церковных службах, ни совершать какие-либо обряды, связанные с этим праздником. Это послужило серьезной причиной недовольства всех тех групп населения, которые не принадлежали к католикам, и в частности многих римских солдат, так как в римской армии, особенно в германских ее частях, было очень много ариан.

Наконец, в-третьих, известная часть вандалских воинов, которых византийское правительство отправило на восточный фронт, по дороге бежала в Африку. Высадившись в каком-то пункте африканского побережья, они, захватив с собой имущество близких, бежали в горы Авразии и Мавретании. Они-то вошли в контакт с теми римскими солдатами, которые были склонны к мятежу, и вместе с ними начали борьбу против Рима (Прокопий, II, 14, 11—21).

Соображения Прокопия о причинах начавшегося весной 536 г. восстания в Африке нуждаются только в известном углублении и уточнении. Причиной восстания была прежде всего борьба за землю, которую империя захватывала для того, чтобы, под видом государственной собственности, передать ее в фактическое владение крупным магнатам и предпринимателям-откупщикам (*conductores*), как это всегда практиковалось. Боролись за землю, очевидно, не только римские солдаты, как думает Прокопий, но и все те, кто был заинтересован в ее обработке, т. е. все трудящееся население Африки. Причиной восстания, далее, была борьба против римской налоговой системы, о чем Прокопий умалчивает здесь, хотя упоминает об этом не один раз в других местах¹. Имела, безусловно, значение и борьба против религиозного угнетения, прикрывавшего собой гнет социальный и политический. Несомненно, и оставшиеся или бежавшие из плена вандалы также сыграли в этом деле немалую роль. Участниками начинающегося восстания позднее стали мавры и близкие им социально и даже национально солдаты римской армии, так же как и рабы, колонны и все прочие угнетенные слои населения.

К наступлению пасхи 536 г. ариане, по словам Прокопия, особенно усилили свою враждебную Риму агитацию, ссылаясь на запрещение священнодействий. В Карфагене состоялся заговор лично против Соломона. Собирались его убить в церкви во время пасхального богослужения, но почему-то это намерение не было осуществлено. Вскоре после того произошло уже открытое выступление против него на ипподроме. Солдаты даже провозгласили своим командиром одного из высоких чинов свиты Соломона—Феодора Каппадокийского, который почему-то пользовался их симпатией, хотя, как видно из дальнейшего его поведения, не сочувствовал восстанию. Напав на дворец Соломона, они убили дворцового коменданта и бросились потом в город, захватывая имущество жителей, расхищая всякие ценности в течение целого дня, до наступления ночи².

Nord. Paris, 1931, стр. 270:45 деревянных табличек, найденных на юге Tebessa, в сентябре 1928 г. неким Truillot и расшифрованных Альбертини, относятся к продаже вандалами недвижимости в правление Гунтамунда (493—496 гг.).

¹ Особенно «Вандалская война», II, 8, 25; «Тайная история», XVIII, 10.

² Прокопий, ук. соч., II, 14, 22 сл. Прокопий еще раз указывает на то, что причиной участия в восстании «многих дорифоров, гипасистов и большинства рядовых» (τῶν δριφῶν αἰ πλίστων) «было желание земли» (τῶν χωρίων ἐπιθυμία).

Соломон сначала скрылся в дворцовом храме, а ночью при помощи названного Феодора Каппадокийского, который хотя и принимал участие в мятеже, но, видимо, вовсе ему не сочувствовал, бежал сначала в Мисую, а оттуда в Сиракузы к Велизария. Хотя Прокопий говорит о том, что Соломон взял с собой только пять человек, однако он сам себе противоречит, указывая дальше на то, что Соломон, прибыв в гавань Мисую, разослал оттуда своих агентов по разным направлениям. Очевидно, с ним бежали все высшие чины римского командования и администрации. Положение было настолько серьезно, что Соломон обратился через Прокопия к Велизария с настойчивой просьбой вернуться как можно скорее в Карфаген, чтобы спасти там интересы империи.

Восставшие, захватив имущество богатых жителей Карфагена, отошли потом на равнину Буллы с целью дальнейшей организации. Там они избрали своим вождем Стоцу, гвардейца (дорифора) одного из высших римских командиров Мартина, человека, по словам самого Прокопия, полного мужества и энергии. Стоца, *Στόκις*, должен был после устранения римской власти в Африке овладеть всей этой страной. Предполагалось, очевидно, создать государство, аналогичное разрушенному государству вандалов¹.

Ход восстания подробно описан Прокопием. Стоца организовал огромное по тому времени и обстоятельствам повстанческое войско, состоявшее приблизительно из восьми тысяч человек, и двинулся с ним против Карфагена с намерением немедленно овладеть столицей. К Стоце примкнули и те вандалы, которые либо успели бежать из плена по дороге в Азию, куда их отправляла византийская власть, либо, ускользнув из рук Велизария, скрывались от преследования римских властей в разных местах. Таких было не меньше тысячи. Наконец, и это особенно интересно, в войске Стоцы собирается огромная масса рабов. Перед нами, таким образом, вооруженное восстание всех враждебных Риму сил—рабов, варваров, солдат и т. д. Сюда нужно присоединить также мавров, с которыми у Стоцы были непосредственные отношения.

С этим войском Стоца подошел к Карфагену и потребовал немедленной сдачи ему города. Значительная часть местного населения, сочувствуя Стоце, готова была к сдаче, римскому командованию ничего в таком случае не оставалось делать, и восстание было близко к победе. Но в это время неожиданно явился сам Велизарий, который с отборными отрядами поспешил на зов Соломона, чтобы во второй раз вернуть Африку империи.

Прибытие Велизария, т. е. главных сил римской армии, как можно было думать (в действительности, Велизарий имел с собой только своих личных гвардейцев—дорифоров и гипаспистов), произвело неблагоприятное впечатление на восставших. Они начали отступать. Велизарий последовал за ними и настиг их у города Мембресы, на реке Баграда. В прошедшем затем бою, вследствие неблагоприятных природных условий (сильный встречный ветер с песком) и отсутствия необходимой дисциплины и выдержки, войска Стоцы потерпели поражение и отступили в беспорядке в

¹ Прокопий, II, 15, 1: «Восставшие, захвативши с собой все, что они взяли в Карфагене, собрались на равнине Буллы. И там избрали одного из дорифоров Мартина, Стоцу, человека полного отваги и энергии, в качестве своего предводителя, с тем чтобы, изгнавши всех представителей имперской администрации, овладеть всей Ливией».

Корипп, Иоаннида, III, 305 и всюду называет Стоцу в латинской транскрипции *Stutias*—Стуциас, Студий. Мы же придерживаемся греческого текста, в котором он называется *Στόκις*—Стоцас или Стодзас.

Характерно, что Прокопий здесь, как и всюду, относится к Стоце очень объективно, отдавая должное его личным качествам—мужеству, настойчивости, распорядительности. Корипп же всюду прилагает к Стоце разные бранные эпитеты, очевидно, в угоду своим знатым друзьям, к которым он обращает свой напыщенный и мало содержательный труд.

пределы Нумидии. Потери их были незначительны, большинство погибших составляли вандалы, стремившиеся отомстить победителям и сражавшиеся с мужеством отчаяния. В руки Велизария попал лагерь восставших с многочисленными сокровищами, захваченными ими в Карфагене, и «многими из тех женщин, которые были главной причиной восстания», как говорит Прокопий. Не располагая достаточными силами, Велизарий не стал преследовать Стоцу, вернулся в Карфаген и там узнал, что и в его сицилийском лагере также вспыхнул мятеж, требовавший немедленного его прибытия туда. Невольно приходит мысль, что это не было только случайным совпадением и между повстанцами Африки и Сицилии была какая-то связь, хотя определенных данных для этого заключения у нас нет. Передав командование вооруженными силами Африки Илдигеру и Феодору Каппадокийскому, Велизарий отправился в Сицилию.

Не успев он прибыть туда, как восстание в Африке вспыхнуло с новой силой. В Нумидии, куда направился Стоца со своими войсками, римское командование усиленно готовилось к борьбе с повстанцами. Встреча Стоцы с римской армией произошла в районе города Газофиллы, в двух днях пути от Константины. Стоца вступил в сношения с римскими солдатами, которые почти все перешли на его сторону. Римские командиры, видя это и наблюдая бегство своих солдат с повстанцами, пытались укрыться в каком-то храме в Газофилах. Стоца же, соединив обе армии, захватил этот город и приказал перебить укрывшихся в нем командиров.

Юстиниан, узнав о происходивших в Африке событиях, послал туда своего племянника Германа, патриция, с небольшими военными силами.

Герман, начав с переучета всех военных сил страны, установил, что едва третья часть их оставалась верной империи. Остальные примкнули к восставшим. Вследствие этого, избегая открытого столкновения с превосходившими его численно противниками, он прибегает к разным махинациям с целью вызвать в их рядах разложение. Выступая от лица императора, как его особо уполномоченный и близкий родственник, он обещает солдатам и командирам всевозможные выгоды и награды, принимает и разбирает их жалобы, для вида наказывает даже наиболее непопулярных начальников, всячески задабривает и тех, кто оставался еще верным империи, и тех, кто колебался. Этим Герман действительно внес разложение не только в ряды колеблющихся, но отчасти даже и тех, кто уже примкнул к восстанию. Также и с населением Карфагена Герман обращался ласково, чтобы привлечь и его на свою сторону. Верхушка местного населения и так оставалась верной империи, особенно после разгрома, произведенного повстанцами в самом начале движения. Остальная масса в значительной своей части также колебалась или оставалась пассивной: наиболее активные ушли вместе с восставшими.

Стоца, учитывая все опасности, которые могли произойти от подобной тактики Германа для дела восстания, в свою очередь готовится к решительным действиям. Надеясь на то, что гарнизон Карфагена скорее сочувствует ему, чем Герману, и готов был рано или поздно перейти на его сторону, Стоца предпринимает новое наступление на этот город. Герман вышел ему навстречу, очевидно боясь оставаться в укрепленном Карфагене, на расположение жителей которого он все же не мог особенно рассчитывать.

Однако и на этот раз наступление Стоцы на Карфаген закончилось неудачей. Повстанцы, убедившись в том, что войска Германа к ним не присоединятся, как они рассчитывали, обманутые в своих ожиданиях, не решились вступить в бой и поспешили отступить в Нумидию, где у них были семьи и имущество. За ними туда последовал и Герман.

Встреча обеих войск произошла у *Scalae Veteres*. Герман, готовясь к бою, построил табор из повозок, оставив под их прикрытием свою пехоту,

по флангам же расположил конницу, заняв сам центр правого фланга с отборными отрядами. Подобная тактика больше всего соответствовала условиям вооружения римских войск, которые отличались сравнительно малой подвижностью и предпочитали оборону наступлению.

Повстанцы выстроились в свою очередь, но без надлежащего порядка, как говорит Прокопий. Они, очевидно рассчитывая на участие в битве на их стороне мавров, предполагали воспользоваться больше тактикой последних, заключающейся в молниеносных, стремительных ударах.

Мавры под командой своих вождей, Явды и Ортайи, с самого начала поддерживали восстание: давно уже сами борясь против империи, и теперь они следовали за войском Стоцы. Но вообще не все мавры были верны Стоце, и многие из них вошли в соглашение с Германом.

Позиция мавров, колеблющаяся и неустойчивая, объясняется, конечно, не их прирожденным вероломством, как думает Прокопий. Мавры находились еще в той стадии варварства, которая характеризуется состоянием полной родовой и племенной раздробленности. Даже такая форма первобытной организации, как союз племен, являлась у них редкостью. Вожди отдельных родовых и племенных групп непрерывно враждовали друг с другом, и эта вражда мешала им выступать одновременно против общего врага, каким для всех их была империя. Мало того, в своей взаимной вражде они то и дело обращаются к Риму, прибегая к его помощи или ища у него известных выгод.

После падения вандалского государства целый ряд мавретанских племен поднял восстание против империи еще в 534 г., как было сказано выше. Восстание охватило, главным образом, Бизацену и Нумидию. В это же время один из бизаценских вождей, Антала, оставался верным империи, поддерживая ее всеми своими силами. Восстание в Бизацене тогда было подавлено. Поход же Соломона в Нумидию против Явды и Ортайи закончился для него неудачей, и восстание мавров в Нумидии продолжало развиваться. После прибытия в Африку Германа Явда и Ортайя как будто склоняются на его сторону и обещают ему свою поддержку, несмотря на то, что раньше они успели договориться со Стоцей. Тем не менее перед боем у *Scalae Veteres* Явда и Ортайя во всяком случае не примыкали к Герману, а скорее поддерживали Стоцу. Позиция их все же оставалась неясной как для одной, так и для другой стороны.

Стоца, предпочитая тактику наступления, готовится к атаке, направляя главный свой удар непосредственно против отряда самого Германа.

Но уже в самом начале боя в войсках восставших обнаружилось отсутствие необходимой организации и дисциплины: герулы, например, не последовали за Стоцей, сославшись на то, что «им неизвестны силы Германа, но зато они-де доподлинно знают, что его правый фланг ни в коем случае не выдержит их удара. Если они его опрокинут, то он повлечет за собой и все войско противника. Наоборот, если их удар по отряду Германа будет отбит, тогда все погибло». Из этого видно, что в штабе Стоцы не было заранее разработанного и согласованного плана предстоящей битвы: он меняет свои распоряжения во время самого боя, допуская их обсуждение и невыполнение.

Послушавшись герулов, Стоца направил главные свои силы против правого фланга противника, которым командовал Иоанн. Солдаты Иоанна не выдержали удара Стоцы и в совершенном беспорядке обратились в бегство. Восставшие захватили вражеские знамена и энергично преследовали бегущих. Уже и пехота Германа дрогнула, и победа заметно склонялась на сторону Стоцы. Но в последний момент Герман, хоть и с большим трудом, остановил бегущих и лично повел их в контратаку против Стоцы. Он восстановил положение, пользуясь тем, что лучший отряд, бывший под

его непосредственной командой, оставался вне удара, который первоначально предполагал нанести ему Стоца. В происшедшей затем стычке бойцы обеих сторон, не различаясь друг от друга внешним видом, формой или оружием, совершенно перемешались, что внесло немало беспорядка и бестолочи. Узнавали своих только по паролю. Бой закончился поражением восставших.

Стоца с небольшой группой наиболее верных и близких ему людей бросился к маврам, чтобы вовлечь их в бой. Но в это время Герман напал на укрепленный лагерь восставших; не имея возможности ворваться в него через главный ход, хорошо защищаемый, он прорвал его в другом месте, после чего восставшие обратились в бегство, а Герман завладел их лагерем. Мавры, видя, как солдаты Германа грабят лагерь Стоцы, вместо того чтобы ударить на Германа и, воспользовавшись полным разложением, наступавшим в этот момент в римском войске, его уничтожить, сами бросились на лагерь Стоцы с целью его разграбить, а также, если верить Прокопию, преследовали убежавших с поля битвы повстанцев.

Стоца, обманувшись в своем расчете на мавров, принужден был бежать с сотней—другой своих приверженцев, тогда как большинство участников восстания не нашли для себя другого выхода, как отдаться на милость победителя, т. е. в руки Германа.

Стоца со своими приверженцами, среди которых главное ядро составляли вандалы, бежал в горные районы Мавретании и некоторое время оставался в этой стране, живя среди мавров. Так закончилось первое восстание Стоцы.

После победы над Стоцей Герман должен был расправиться еще с каким-то военным мятежом, во главе которого стоял некий Максимин, дорифор Феодора Каппадокийского. Мятеж не имел серьезного значения, так как после поражения восстания Стоцы он был лишен каких бы то ни было перспектив. Максимин был легко побежден и распят Германом на страх всем тем, кто еще сочувствовал восстанию.

Спустя два года Герман был отозван в Византию, а на его место Юстиниан снова прислал в Африку известного нам Соломона. Соломон, прибыв в Африку, начал с решительной чистки армии, устранив из нее всех подозрительных и заменив их новыми лицами. Всех вандалов, которые еще оставались в Африке, он также поспешил выслать, в их числе даже вандальских женщин. В то же время он предпринимает сооружение целой линии укреплений, которые должны были защищать африканские провинции от нападения мавров.

Мавры не прекращают своей борьбы против империи, и Соломону пришлось прежде всего столкнуться со старым своим врагом—Явдой. Ему удалось, хотя и с большим трудом, разбить Явду в самых горах Авразии и даже захватить там его стоянку. Явда после этого бежал в Мавретанию, подобно старому своему союзнику Стоце, которого он так вероломно предал в свое время. Победил Соломон потом также и Ортайю, как и других мавров; жестокими репрессиями он всюду придушил какие бы то ни было попытки возмущения и достиг относительной пацификации Африки, для которой, по словам Прокопия, наступило золотое время.

Тем не менее «несчастливая земля не могла долго наслаждаться покоем» (Прокопий). Родственник Соломона Сергей, назначенный Юстинианом наместником Триполитании, своим жестоким безрассудством спровоцировал новое восстание мавров, а именно племени леватов. Поводом к этому восстанию послужило то, что несколько десятков мавретанских старшин, прибывших в город *Leptis Magna* к Сергию в качестве делегатов для обычных переговоров, были зверски перебиты. В то же самое время сам Соломон успел поссориться с тем Анталой, который, как сказано выше, неиз-

менно оставался верным империи, когда другие мавританские вожди вели борьбу против нее. Соломон умертвил родного брата Анталы—Гваризилу, а ему самому незаконно уменьшил выплачиваемую пенсию. Положение усложнилось еще и чумой, которая в 543 г. захватила почти всю Восточную империю, в том числе и Африку. Эпидемия произвела страшное опустошение среди местного населения и армии и, естественно, внесла большое расстройство в управление. К тому же внимание центрального правительства империи и главные его военные силы были отвлечены на борьбу с остготами в Италии. Весной 544 г. значительная часть римской Африки снова охвачена восстанием мавров, среди которых теперь особенно активно действует прежний союзник Рима—Антала. Соломон одержал значительную победу над маврами у города Тевесты, но в следующем затем бою у Cillium он потерпел уже поражение и сам погиб. Причиной этой катастрофы для Рима явилось серьезное брожение в его армии, никогда, впрочем, не прекращавшееся и только усиленное жестоким режимом Соломона.

После гибели Соломона Юстиниан не нашел ничего лучшего, как назначить преемником его в Африке,—очевидно, во внимание к его заслугам и трагической судьбе—его племянника, известного уже Сергия, человека крайне бездарного и непопулярного. Сергий, по отзывам источников, был ненавидим решительно всеми за свой беспутный образ жизни и особенно за свое пристрастие к деньгам, злоупотребление властью и положением. «Сергий,—говорит Прокопий,—был главным виновником происшедшего в Ливии массового уничтожения всего местного населения. Он же отличался неумеренной страстью к чужим женам и чужому имуществу».

Антала, начавший борьбу с империей уже при Соломоне, заявляет ее правительству о том, что он лоялен по отношению к императору, но требует устранения таких правителей, как Сергий. Император, конечно, не пожелал отозвать Сергия по требованию Анталы, тем более что со стороны последнего это было только предлогом, и восстание мавров в Бизацене и Триполитании достигает теперь высшего напряжения.

Весной 545 г. к Антале примкнул Стоца, неожиданно появившийся из Маврегании с незначительным отрядом вандалов и других участников его первого восстания¹. С этого времени Стоца действует не только в полном контакте, но и совместно с Анталой, возглавляя все движение. Именно его участие и руководство сообщили действиям мавров такую силу и последовательность, какой они никогда не имели раньше.

Сергий, будучи совершенно неспособен сам справиться с происходящими событиями, посылает на борьбу со Стоцей и Анталой своего *magister peditum*—Иоанна, сына Сисиниола. Но последний имел какие-то давние счеты со своим начальником и особенной энергии в исполнении порученного ему дела не обнаружил. Он перепоручил доверенное ему дело своему подчиненному—Гимерию, фракийцу, занимавшему должность *dux Byzacenaе*. Благодаря общей нераспорядительности, отличавшей римское командование в Африке, Гимерий попал в плен к восставшим и даже принужден был сам, вместе с другими командирами, перейти на их сторону,—его солдаты поступили так же, конечно без всякого принуждения. Восставшие захватили очень важный центр—город Гадрумет.

Вернув себе снова Гадрумет и жестоко расправившись с изменниками, Стоца вместе с Анталой опустошают всю Бизацену и прилегающие к ней районы. «Тогда восставшие всюду в Африке творили страшные дела, никому не давая пощады, невзирая на возраст, так что вся страна совершенно

¹ Прокопий II, 22, 5—6: «Антала и войско мавров снова собрались в Бизацене, и к ним примкнул Стоца с немногими солдатами и вандалами», II, 23, 4; К о р и п п, Иоаннида (MGN, III, 1), 458—459.

обезлюдела. Оставшиеся в живых жители убегали в города, искали себе спасения в Сицилии и на других островах. Почти все состоятельные люди бежали в Византию. Мавры, ничего не боясь, так как никто не оказывал им никакого сопротивления, уводили скот и уносили всякое имущество жителей, а вместе с ними то же самое делал и Стоца, пользовавшийся тогда полной властью. Ибо к нему примыкали многие римские солдаты, одни—делая это охотно, другие—под давлением насилия, оказавшись у него в плену» (Прокопий).

Юстиниан, видя, что Сергей не в состоянии справиться с восстанием, «исправил положение», послав в Африку некоего Ареобинда, женатого на его племяннице, со значительными военными силами, не отзывая в то же время и Сергия. Сергей должен был вести войну в Нумидии, где снова на сцену выступил известный мавританский вождь Явда, а Ареобинд— в Бизацене, против Анталы и Стоцы.

Ареобинд был таким же ничтожеством, как и Сергей. А главное, он совершенно был незнаком с военным делом, так как всю свою жизнь провел в канцеляриях. Он не умел даже носить амуницию, боялся вида крови и вообще отличался крайним слабодушием. Единственно на что мог рассчитывать Юстиниан, посылая его в Африку,—это только на авторитет, который, по его мнению, должна была дать Ареобинду его родственная связь с императорским домом.

Ареобинд посылает на борьбу против Стоцы и Анталы Иоанна, сына Сисиниола, и последний, освободившись, наконец, от ненавистного ему Сергия и оказавшись под новым командованием, приступает на этот раз к делу более энергично.

В районе города *Sicca Veneria* у *Thasia* произошло, наконец, столкновение между имперскими войсками, которыми командовал Иоанн, и войсками Стоцы¹. В самом начале боя Иоанн в личном столкновении со Стоцей смертельно его ранил. Войны Стоцы, унося своего вождя в безопасное место, с удвоенной энергией бросились на войска Иоанна и, превосходя их числом, настойчивостью и мужеством, без особого труда их опрокинули. Сам Иоанн был убит. Стоца тогда же умер, предварительно узнав о смерти своего заклятого врага: «Стоца, узнав о гибели Иоанна», скончался, сказав при этом, с каким наслаждением он, наконец, умирает» (Прокопий)².

После нового поражения римской армии Юстиниан отозвал, наконец, Сергия и передал все командование в Африке одному Ареобинду. Положение последнего было нелегким. В то время как мавры Анталы совместно с войсками погибшего Стоцы, на место которого теперь был избран некий Иоанн, продолжали опустошать всю Бизацену и продвинулись вплотную

¹ *Victor Tonnepensis*, 201 (ann. 545); Прокопий, II, 24, 9—14; Корипп, IV, 136—171.

² Прокопий часто пользуется обычным у историков древнего мира приемом «*oratio ficta*». Однако нужно отметить, что все те речи, которые он вкладывает в уста описываемых им действующих лиц, обычно соответствуют их характеру и обстановке. Особенно же важно то, что в речах, которые Прокопий приписывает Стоце, последний выступает перед нами в неизменно привлекательном виде, что говорит об известных симпатиях к нему и всему его делу со стороны Прокопия. Здесь уже чувствуется автор «Тайной истории». Чего стоят, например, такие слова, приписываемые Прокопием Стоце: «Мужи, освободившиеся вместе со мной от римского рабства! Пусть никто из вас не сочтет недостойным умереть за ту свободу, которую вы заслужили своим мужеством и доблестями...» (II, 15, 30—40). Или в другом месте, когда Стоца якобы обращается к нему и всему его делу со стороны Прокопия. Здесь уже чувствуется автор «Тайной истории». Чего стоят, например, такие слова, приписываемые Прокопием Стоце: «Граждане соратники, несправедливо вы поступаете, выступая против своих соплеменников и однокашников, поднимая оружие против людей, которые, мстя за ваши обиды и беды, решили начать войну против императора и римлян» (II, 16, 54—58). Какой пустой и напыщенной риторикой по сравнению с этим являются те же вымышленные речи в «Иоанниде» Кориппа (Корипп, IV, 136—171).

к Карфагену, Явда и Кутзина приближались туда же, наступая из Нумидии.

Ареобинд посылает среди разных начальников на борьбу с восстанием и Гонтария, бывшего *dux Numidiae*, которому он и поручает главное командование. Этот Гонтарий, повидимому, давно уже либо питал какие-то личные честолюбивые планы, либо сочувствовал антиимперской борьбе. Его поведение в том бою под *Cillium*, где погиб в свое время Соломон, было не вполне ясным и могло подвергнуть сомнению его лояльность. Теперь же он определенно связывается с Анталой, посылает ему своих тайных агентов с предложением разделить власть над Африкой. Он обещает Антале половину всех ценностей, которые будут захвачены у Ареобинда, и значительный вспомогательный отряд римских солдат, который мог обеспечить Антале бесспорное преимущество перед другими мавретанскими вождями.

Но в то время как Гонтарий, командовавший главными вооруженными силами империи, договаривался с Анталой, сам Ареобинд вступил в тайные сношения с Кутзиной, настраивая его против Анталы. По этому поводу Прокопий, между прочим, не упускает случая сослаться еще раз на вероломство мавров, которые «не могут быть верными не только по отношению к другим людям, но даже по отношению друг к другу». Договорившись же с Кутзиной, Ареобинд имел неосторожность поставить в известность об этом Гонтария, который не замедлил, конечно, в свою очередь, сообщить об этом Антале.

Гонтарий, человек осторожный и более склонный к закулисным интригам, чем к открытым действиям, долго не решался прямо выступить против Ареобинда. Он хотел было придать всему делу хотя бы видимость некоторой лояльности. Зная прекрасно характер своего начальника, он предполагал как-либо спровоцировать его бегство из Африки, с тем чтобы иметь в этом случае законный повод захватить власть в качестве его заместителя. Но так как все махинации Гонтария не удавались, а ждать дольше он уже не мог, то он решился, наконец, на открытое выступление против Ареобинда, предварительно настроив против него солдат, что вообще было нетрудно, если принять во внимание не прекращавшееся в это время брожение в римской армии и личные качества Ареобинда.

Ареобинд при первом виде крови, которой он не мог переносить, бежал в монастырь в окрестностях Карфагена, ища там себе спасения вместе со своими близкими. Гонтарий же без всякого труда захватил его дворец, хитростью извлек потом Ареобинда из его убежища и приказал его убить. Жену же Ареобинда, племянницу Юстиниана, Гонтарий не тронул, намереваясь сам жениться на ней, чтобы породниться с императорским домом и этим купить себе прощение.

Гонтарий послал голову Ареобинда Антале в его лагерь, но от посылки условленных раньше денег и римских солдат воздержался. Антала же, отчасти недовольный этим, отчасти из естественного недоверия к Гонтаррию, решил перейти к Юстиниану, тем более что и повод к его войне с империей с отозванием Сергия как будто отпал. Действительной же причиной такого поведения Анталы были, очевидно, его споры с тем же Кутзиной и другими подобными ему соперниками из мавретанских вождей.

Гонтарий, узнав о настроениях Анталы, заключил уже формальный договор с Кутзиной и вместе с ним предпринял решительные действия против Анталы.

В то же самое время войны Стоцы, также узнав о намерении Анталы передаться Юстиниану, поспешно переходят к Гонтаррию. Последний принял их с величайшей готовностью.

Гонтарий двинул свои войска вместе с Кутзиной и Иоанном (преемник Стоцы) против Анталы, одержал над ним победу и мог бы, наверное, его уничтожить, если бы не изменническое поведение Артабана, который командовал армянскими частями в войсках Ареобинда и после падения последнего перешел внешне на сторону Гонтария, но оставался верным империи. Этот Артабан составил заговор против Гонтария, и во время пира, на котором присутствовали, кроме других близких Гонтарию лиц, также и все командиры из отрядов Стоцы, в том числе и сам его преемник Иоанн, он убил Гонтария и наиболее близких ему людей. Это произошло весной 546 г. Власть Гонтария продолжалась всего 36 дней.

В личном поведении Гонтария, как его описывают источники, было много всякого рода интриганства; но его действия в целом все же нельзя рассматривать как проявления чисто личных целей и честолюбия. Не даром его поддерживают и мавры и все, принимавшие участие в восстании Стоцы, а в их числе и последние вандалы. Восстание Гонтария стало возможным лишь в процессе того движения, которое за последние годы, начиная с 534 г., не прекращалось в римской Африке. Прокопий рассказывает о режиме жестокого политического террора, проводимого в Карфагене Гонтарием против всех подозрительных ему лиц, очевидно сторонников империи. У Прокопия есть даже намек на то, кто именно был главной жертвой террористического режима Гонтария: готовясь к решительным выступлениям против Анталы, изменившего ему в это время, Гонтарий поручает своему заместителю в Карфагене уничтожить всех до одного греков. А эти греки были либо купцами, либо представителями православного духовенства, либо византийскими чиновниками. Жестокость Гонтария, таким образом, естественно направлена против сторонников империи.

Юстиниан назначил Артабана стратегом Ливии, т. е. *magister militum*, но в конце 546 г. он, по его собственному желанию, отозвал его из Африки, прислав на его место известного Иоанна Троглоту. Последний и занялся пацификацией римской Африки в таком же духе и направлении, как ее некогда осуществлял Соломон. Прежде всего он предпринял расправу с мятежными маврами, разбил Анталу, отобрал у него римские знамена, которые тот захватил еще у Соломона. Иоанну долго пришлось вести борьбу с маврами и после того — борьбу с переменным успехом, пока, наконец, он достиг более решительной победы над ними и принудил их на некоторое время удалиться в недоступные теснины ливийских гор или в необозримые просторы ливийских пустынь. Мир в Африке как будто был восстановлен, но какой ценой?

Прокопий отвечает на этот вопрос знаменательными словами, которыми и заканчивает свою историю вандальской войны. «Поздно и с трудом был установлен некий мир для ливийцев, когда их осталось уже немного, да и те все были нищими».

В своей «Тайной истории» (XVIII, 1—11) Прокопий очень обстоятельно и, несмотря на известные риторические преувеличения, в общем довольно верно характеризует деятельность византийского правительства в Африке после разрушения вандальского государства и последствия этой деятельности. «Ливия, столь огромная по своему пространству, была до такой степени разорена им (Юстинианом), что, проезжая по ней долгое время, трудно и удивительно было бы встретить там хоть одного человека. Ведь когда вандалы вначале взялись здесь за оружие, их было до 80 000 вооруженных; что же касается числа их жен, детей и рабов, то кто мог бы представить себе точное их количество. Равным образом кто в состоянии исчислить число тех жителей Ливии, которые, обитая в прежнее время в городах, занимались возделыванием земли и вели морскую торговлю, чему

я сам очень часто был очевидцем. Еще больше, чем их, было мавров, и всем им суждено было погибнуть со своими женами и потомством. Далее, многих римских воинов и многих из тех, кто последовал за ними из Византии, скрыла (в своих недрах) земля. Так что, если бы кто стал утверждать, что в Ливии погибло 500 мириад (5 миллионов) людей, то, в сущности, я думаю, он назвал бы минимальное число.

Дело в том, что после победы над вандалами Юстиниан вовсе не заболел о том, чтобы закрепить власть над страной, и вовсе не думал охраной собственности новых подданных заслужить неизменное их расположение; но он тотчас же, без малейшего промедления, отозвал Велизария, возведя на него обвинение, будто он хочет захватить насильственно власть, что совершенно не соответствовало настроению Велизария. Юстиниан хотел, устраивая здесь все по своему произволу, иметь возможность высосать все соки из Ливии и ограбить ее целиком. Конечно, Юстиниан тотчас же послал земельных оценщиков и стал устанавливать непосильные налоги, которых прежде не было. Лучшие земли присвоил себе, а ариганам запретил исповедание их веры. Он не соблюдал срока военных наборов, и вообще условия жизни для солдат при нем были тяжелы. Происходившие вследствие этого восстания кончались великой гибелью (человеческих жизней).

Если в этой тираде Прокопия кое-что отнести на счет его пристрастного отношения к Юстиниану, а кое-что на счет риторики, то все же она соответствует действительному положению вещей.

А. Шультен в своей небольшой, но в высшей степени содержательной книжке («Das Römische Africa», 1899) говорит между прочим следующее (стр. 94): «Завоевание северной Африки византийцами (533—539) положило конец господству вандалов, принесло победу католической церкви, а стране мир. Но то был мир кладбища. И когда византийцы предприняли сооружение грандиозной системы укреплений, чтобы защищать себя от врагов в будущем, они могли строить свои крепости только из развалин римских городов».

Ш. Диль в своей «L'Afrique Byzantine» (стр. 382) оспаривает оценку деятельности Юстиниана в Африке, какую дает Прокопий. Однако выводы Диль мало убедительны. То обстоятельство, что еще во второй половине VI в. в Африке продолжали существовать некоторые ирригационные и другие сооружения прежнего времени, еще ни о чем не говорит. Конечно, было бы технически невозможно уничтожить за какой-нибудь десяток лет решительно все, что было сделано в течение столетий. И сам же Диль не отрицает разрушительных последствий реставраторской политики Юстиниана, так же как и разительного упадка общей культуры в Африке в эту эпоху¹.

Если в большинстве западных римских провинций вековая борьба против империи закончилась «революционным переустройством всего общества» и революция рабов там «ликвидировала рабовладельцев и уничтожила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся», то в римской Африке эта же борьба, продолжавшаяся здесь также в течение нескольких столетий, закончилась «совместной гибелью борющихся классов», подготовив-

¹ C h. Diehl, Justinian. The imperial restoration in the West, в «The Cambridge Medieval History.» 1936, т. II, стр. 20 сл. и в L'Afrique Byzantine, стр. 384, пр. 1-е. Он же ссылается на слова африканского поэта VI в. Коринна: Jam nullus arator arva colit (IV, 276—297), «и нивы уж без пахаря стоят»... «Fumanis perit Africa flammis» (I, 47), «гибнет Африка в дымном пламени»... Можно увеличить эти примеры: quis lacrimas, clades, praedas, incendia, mortes, insidias, gemitus, tormentum, vincula, raptus, / explicet, aut miseros possit numerare dolores. «Возможно ль рассказать о слезах, убийствах, грабежах, пожарах и смертях, о кознях, стенаниях и пытках, оковах и хищениях, / и как исчислить горькие печали!» (I, 44—46).

шей дальнейшее завоевание этой страны арабами и уничтожение здесь остатков римской культуры.

И все же в деле крушения рабовладельческого строя, в деле ликвидации рабовладельцев и уничтожения рабовладельческой формы эксплуатации трудящихся все события, происходившие в римской Африке в течение двух с лишком столетий, начиная от движения циркумцеллионов и кончая восстаниями Стоцы, сыграли немалую роль.

В восстании Стоцы, как и во всех революционных движениях позднеримской империи, мы видим переплетение как участвующих в них различных сил, так и их движущих мотивов, которые при всем их разнообразии сводятся в конечном итоге к одному: борьбе против рабовладельческой Римской империи.

В восстаниях Стоцы принимали участие: рабы, боровшиеся за свое освобождение; колонны и другие подобные им «мелкие люди» из числа свободных или полузависимых, боровшиеся за землю, которую отобрала у них реставрированная в Африке после господства вандалов римская власть; солдаты римской армии, страдавшие от невыносимого режима, недостаточного снабжения, злоупотреблений командиров и поставщиков и к тому же обманутые в своих ожиданиях награды и главным образом наделения земель; мавры, сотни лет страдавшие под гнетом римской власти, ее аграрной и налоговой политики, много раз пытавшиеся сбросить его с себя, никогда не прекращая своей борьбы за освобождение; наконец, раскольники-донатисты и «еретики»-ариане и другие, боровшиеся против политики религиозной нетерпимости, но в то же время выражавшие протест всех угнетенных и обездоленных против господствующего строя.

В процессе борьбы и особенно на ее исходе к ней примыкают порою и разные авантюристические элементы, вроде Гонтария, внося в нее дух интриганства и беспринципности. Но не они играли решающую роль, и их участие несколько не лишает эту борьбу революционного характера.

Восстания Стоцы ослабили позиции Византии в Африке, не позволили ей закрепить здесь свое владычество, распространить свою власть на Запад и добиться хотя бы частичного, но сколько-нибудь прочного восстановления Западной Империи, к чему всегда стремилось правительство Византии, начиная с Юстиниана.

